

РУССКАЯ КЛАССИЧЕСКАЯ ЛИТЕРАТУРА И ЕЕ МИРОВОЕ ЗНАЧЕНИЕ *

1

Русскую литературу издавна охотно привлекают к разного рода сопоставлениям с литературами других стран и языков. В этом нет ничего удивительного, — она безусловно принадлежит к числу литератур обширных, богатых произведениями художественного слова, разнообразными по темам, жанрам, форме; не менее важно также и то, что лучшие ее образцы переведены на многочисленные языки, что благодаря этому они имеют поистине международную читательскую аудиторию и что лучшие из них действительно уже получили повсеместное признание.

Едва ли я ошибусь, сказав, что имена таких, например, русских писателей, как Тургенев, Лев Толстой, Достоевский или Чехов, — если оставаться в пределах одной лишь второй половины XIX в., т. е. того периода, когда за рубежом возник особенно активный интерес к русской литературе, — известны сейчас не только филологам-специалистам, но и каждому рядовому европейскому читателю. Даже родоначальник блестящей плеяды русских литературных светил прошлого века и основоположник русского литературного языка нового времени — Пушкин, с его тончайшей лирикой, или Гоголь, казавшийся когда-то вовсе непереводаемым ни на какой язык, хотя и медленнее, чем другие писатели, неуклонно становились все более известными читателям, не знающим русского языка.

Процесс ознакомления с русской классической литературой в различных странах продолжается; он еще далеко не закончился и, смею надеяться, не закончится никогда, ибо продолжают совершенствоваться методы восприятия русского художественного слова иноязычными читателями, для чего предпосылок становится все больше. Однако вначале знакомство иностранных читателей с русской литературой происходило в особых условиях и имело весьма характерные признаки, которые в известной мере представляют теоретический интерес. Поэтому о них стоит сказать несколько слов.

На пути знакомства читателя с любым произведением иностранной литературы всегда много трудностей. Важнейшие из них предопределены тем, что основными объектами восприятия в данном случае служат произведения словесного искусства, освоение которых предполагает не только логические процессы научных умозаключений и выводов, но и проявление художественной интуиции, эстетического чувства.

Различие между «простым» и «ученым» читателем литературного произведения зачастую состоит не столько в качественной, сколько

* Доклад, читанный в Москве на Юбилейной сессии Академии наук СССР, посвященной 250-летию Академии наук СССР, 14 октября 1975 г.

в количественной разнице их опыта: «ученый» читатель от читателя рядового отличается лишь своим профессиональным литературным кругозором, количеством им прочтенных и усвоенных памятников художественного творчества и более высокой степенью осознанности своих наблюдений; однако над тем и над другим читателями почти в равной степени тяготеют некоторые затруднения общего порядка, вытекающие непосредственно из свойств исследуемого или пассивно воспринимаемого материала: его эстетической природы, особенностей его формы, бесконечного разнообразия воздействий, которые он может оказать на читательское сознание. Эти трудности увеличиваются, когда сопоставлению и сравнительному анализу подвергаются произведения литератур различных народов.

Еще более устойчивый, постоянный характер имеют затруднения, так сказать, внутреннего порядка, обусловленные разноязычием сопоставляемых памятников и вытекающими отсюда особенностями восприятия их в различной языковой среде. Затруднения этого рода еще чаще ведут к ошибочным оценкам, недопониманию, противоречиям в суждениях. Житейский читательский опыт в подобных случаях чаще отстает от умозаключений читателей-специалистов; последним, в отличие от первых, требуется и большая практика, и большая степень осознанности логического акта. И все же абсолютная свобода и полнота суждений едва ли возможны — ограничения неизбежны: всеми языками, на каких написаны литературные произведения, подлежащие сопоставлению и сравнительной оценке, можно овладеть в той же незначительной степени, как и всеми эстетическими традициями других народов, и полнота реального восприятия памятников художественного слова достижима лишь для читателей той народности или того языкового единства, в среде которых эти произведения возникли. Отсюда — и парадоксальные несоответствия в оценках одних и тех же произведений читателями разных стран.

Можно сделать также наблюдение, что всякое произведение литературы, переведенное на другой язык, подвергаясь своего рода изоляции от родной почвы и родственных произведений и приобретая «чужое», несвойственное ему ранее звучание, теряет кое-какие из своих качеств и прежде всего признак времени своего создания. Особенности возникновения и развития этих произведений, их преемственность, теснейшая связь с историческими условиями, которые их породили, — все эти признаки стираются в чужеземной их оболочке, становятся малозаметными, различимыми лишь для ученых критиков; даже обширные комментарии (языкового или реального характера) здесь не всегда могут помочь читателю. Вместе с тем, однако, эти переводные произведения получают новые функции, которых они ранее не имели. Иными словами, постепенный процесс усвоения всякой иностранной литературы в иноязычной среде в высшей степени сложен и протекает в формах, очень индивидуальных для каждой литературы в отдельности. Все это относится, естественно, и к произведениям русской литературы, и к тому, как складывалась ее репутация за рубежами нашей страны. Хотя общие контуры истории ее распространения в настоящее время довольно ясны, в деталях тут еще много спорного, заслуживающего специальных и многосторонних исследований.

Художественная литература играет исключительную роль в распространении представлений о тех или иных государствах, обществах или географических территориях. Человек всегда с трудом проникает в далекий для него мир жизни иных народов, даже при условии физического с нею соприкосновения и возможности ее чувственного восприятия. Для того, кто знакомится с какой-либо страной, не покидая своего отечества, лучшим, наиболее полным и действенным источником правильных представлений являются созданные ее народом произведения искусства и в особенности литература. Это утверждение справедливо и в отношении нас самих. Так, например, общее представление об Англии наших соотечественников, по крайней мере широкого читателя, в XIX в., даже еще и в начале нашего столетия, часто находилось в зависимости от тех впечатлений, какие в свое время внушало русским чтение произведений Диккенса или Теккерея. На всех англичан у нас долго смотрели глазами их старых классических писателей, сочинения которых были известны в России издавна и часто перечитывались. В создании нашего общего представления о Франции участвовали Бальзак, Флобер и Золя. Россию же во Франции, Англии и США долгое время знали по произведениям Тургенева, Толстого, Достоевского, Чехова. Сведения же, почерпнутые иностранным читателем из газеты, очерка, научного трактата или даже из описания реально совершенного путешествия, бывали, как правило, случайны, сбивчивы, противоречивы, не всегда достаточно убедительны в эстетическом и эмоциональном отношении и потому имели неизмеримо меньшее значение.

Можно утверждать, что в конце XIX и начале XX в. европейский читатель знал Россию преимущественно по произведениям русских беллетристов. В этом признавались А. Доде, Э. Золя, Дж. Мередит, Т. Гарди и многие другие западноевропейские писатели. Недаром еще в 1908 г. Герберт Уэллс писал в предисловии к русскому переводу его собрания сочинений: «Когда я думаю о России, я представляю себе то, что читал у Тургенева и у друга моего М. Беринга» (т. е. у великого русского писателя и у одного из его английских истолкователей) ¹.

Следует указать и на то, что образы русских в западных романах второй половины XIX в., например образ русского революционера-

¹ См.: Уэллс Г. Собр. соч.: В 15 т. М., 1964. Т. 14. С. 293. Ср.: *Baring M. Landmarks in Russian Literature*. L., 1910; (*Беринг М. Вехи русской литературы*. М., 1913). Далее, в том же предисловии, Г. Уэллс поясняет свою мысль, откуда следует заключить, что произведения Тургенева он воспринял крайне субъективно. В романе же Г. Уэллса «Мир Вильяма Клиссольда» («*The World of William Clissold*», 1926. Кн. 4, гл. 9) описан спор о русских крестьянах на обеде у представителей лондонских финансовых кругов; при этом автор заставляет одного из действующих лиц подать такую реплику: «Я сужу по произведениям русских писателей. . . главным же образом по романам Достоевского. . .» В подобных случаях бросается в глаза почти закономерная хронологическая отдаленность или несовместимость возникновения произведения — источника читательского восприятия образа некоей страны и того времени, когда подобное представление может возникать у читателей. Множество таких примеров можно почерпнуть из произведений о России во французской литературе XVIII—XIX вв.

«нигилиста»², в обязательном порядке восходили сначала к тургеневской «Нови», а затем к романам Достоевского; все типы дореформенных русских крестьян — к тому же Тургеневу, послереформенных — к Льву Толстому; русских «интеллигентов» (термин этот, кстати сказать, как известно, вошел в западные языки, и прежде всего в английский, из русского обиходного словаря)³ — к тем же Тургеневу, Толстому, Достоевскому, Чехову; наконец, идейного рабочего, борца за новое будущее — к «Матери» М. Горького.

Для многих западноевропейских читателей Тургенев, Толстой, Чехов впервые открыли Россию их времени; вероятно, немало зарубежных читателей и сейчас еще знают нашу страну по этим же самым произведениям, вошедшим в мировой классический репертуар.

О значении, роли, силе впечатлений, полученных западноевропейскими читателями от произведений русского художественного слова, достаточно ярко свидетельствует факт, неоднократно отмечавшийся и в русской, и в зарубежной критике. Историки международных отношений давно уже обратили внимание на то, что в той перемене тона и характера суждений европейцев о русском народе, которая столь явственно проявилась в конце XIX в., особо важное значение — а по мнению некоторых, даже решающее — сыграла именно русская литература. Вопреки сложным международным отношениям недоверие, которое ранее периодически выражалось России западными европейцами, их высокомерные сомнения в прочности и закономерности русской культурной эволюции, их настороженное отношение к особенностям русского психического склада и т. д. неожиданно сменились участием, сочувствием к русскому народу и восхищением созданной им культурой.

В одной из своих статей 1894 г. историк В. О. Ключевский, современник и свидетель совершившейся перемены, писал: «Европа призналась, что страна, которую она считала угрозой своей цивилизации, стояла и стоит на ее страже, понимает, ценит и сберегает ее основы не хуже ее творцов; она признала Россию органически необходимой частью своего культурного состава, кровным, природным членом семьи своих народов»⁴.

Современники Ключевского, быть может не вполне отдавая себе

² Слово «Nihilist», с обязательной ссылкой на И. С. Тургенева (как автора «Отцов и детей» и «Нови»), переосмыслившего старый европейский философский термин, встречается во многих словарях, начиная с «Крылатых слов» Г. Бюхмана. См.: *Büchmann G. Geflügelte Worte. Der Citatenschatz d. deutschen Volkes* Berlin. 1895. S. 270. К. Ольденбург (*Der Russische Nihilismus von seinen Anfängen bis zur Gegenwart. Leipzig, 1888. S. 189—200*) приводит внушительный, хотя и не полный, перечень основных книг «о русском нигилизме», в том числе и беллетристических, не всегда отрицательно освещающих образы русских революционеров той поры; напомним здесь хотя бы роман Э. Золя «Жерминаль» с русским героем Суваринным или юношескую драму О. Уайльда «Вера, или Нигилисты» (1881), действие которой сосредоточивается в Москве (правда, довольно фантастической).

³ О русском происхождении английского слова «intelligencia» см.: *Мирский Д. С. Интеллигенция*. М., 1934. С. 5—6. Эпиграфом в книге автор взял цитату из «Краткого Оксфордского словаря»: «Интеллигенция — часть нации, стремящаяся к самостоятельному мышлению (от русского „интеллигенция“)».

⁴ Чтения в Императорском Обществе истории и древностей российских, 1894. Кн. IV. С. 6.

отчет во всей многосложности отмеченного им процесса и в особенности в его действительных исторических корнях, все же чаще всего связывали причину радикальных изменений в отношениях Запада к русской культуре с подлинно широким и мощным воздействием русской художественной литературы на мировое общественное мнение. «В деле этого сближения России и Западной Европы главную роль сыграла русская литература, ставшая одним из элементов умственного движения на Западе и тем упрочившая за Россией репутацию культурной державы»⁵.

В петербургском журнале «Вестник Европы» в 1899 г. можно было прочесть следующие строки: «Русская литература, с ее беспощадным исканием жизненной правды, с ее чуткостью к высшим человеческим идеалам и стремлениям, внушила иностранцам новый взгляд на характер русского народа, на его чувства, мечтания и порывы. Призраки варварства и казачества, отделявшие Россию от остальной Европы, незаметно рассеялись. Скрытый психологический процесс, вызванный включением русской литературы в общее умственное движение Запада, повлиял неотразимо на международное положение России и изменил коренным образом ее общую репутацию в культурном мире»⁶.

Иные из западных критиков констатируют тот же факт. Закрывая глаза на многие стороны русской культуры XIX в., например на прогрессивный характер ее общественной мысли или на быстрое развитие и расцвет ее науки, они объявляли Россию «культурной нацией первого ранга именно с точки зрения литературного творчества»⁷ — иначе говоря, исключительно благодаря ее художественной литературе.

Все это лишний раз свидетельствует о том, как значительна, существенно важна, животрепещуща и полна исторического смысла проблема исследования мировой роли русского художественного слова и как много еще остается сделать для того, чтобы она представилась нам в тех четких границах и очертаниях, которые может обеспечить ее научный анализ.

3

Рассматриваемая нами проблема, таким образом, не нова. Бросив самый беглый взгляд на предшествующие опыты, мы легко заметим, что она обострялась, вызвала к себе повышенное внимание в особенности в те периоды русской истории, которые наталкивали на раздумья всемирно-исторического масштаба, строго говоря, это — вся русская история со времени Петра I, весь бурный рост русской культуры, весь процесс ее становления и национального самоопределения. Следовательно, речь может идти главным образом об оттенках, о временах большей или меньшей злободневности или интенсивности обсуждений данной проблемы. Но русская литература — неотделимая часть

⁵ Жигарев С. А. Россия в среде европейских народов по данным истории международного общения и права в XVIII и XIX вв. Историко-юридические очерки. СПб., 1910. С. 311—313.

⁶ Вестник Европы, 1899. № 11. С. 353—354.

⁷ Richard E. Meyer. Die Weltliteratur im zwanzigsten Jahrhundert. В., 1913. S. 69.

русской культуры, значит, вопрос о ее мировом значении есть в то же время вопрос о всемирно-исторической роли русской культуры вообще; в различные периоды он решался различно — и у нас, и на Западе. В наших связях с Западом сменяли друг друга периоды сближений и разрывов, столкновений и взаимопонимания; и отношение иностранцев к русской литературе испытывало аналогичные резкие колебания — от полного отрицания до безоговорочного признания, даже восхищения: кривая этих колебаний постепенно выравнивалась, пока, наконец, общее убеждение не стало прочным и незыблемым. Но характерно, что именно в вопросах сравнительной, в европейском масштабе, оценки русского литературного творчества наша точка зрения определилась очень рано; кроме того, она не всегда зависела от иностранных суждений.

Новой русской литературе послепетровского периода почти с первых ее самостоятельных шагов была свойственна вера в свое будущее, в свое великое предназначение, особый просветительский пафос, объяснимый, быть может, не только хронологическим совпадением ее возникновения в новых европейских формах с просветительской эрой на Западе, но и древностью ее основ и той высокой морально-дидактической принципиальностью, какой отличалась она во все предшествующие века ее самостоятельного бытия.

Заявления деятелей русской культуры еще в тот период, когда завершалось устройство русской державы на европейский образец, полны горделивого самоутверждения и уверенности, что чужеземные народы отныне не могут не считаться с новым, реформированным на европейский лад государством и создаваемой в нем новой русской культурой.

В одной из своих лучших речей, «Слове похвальном о флоте российском» (1720), один из сподвижников Петра I Феофан Прокопович, упоминая о великих его победах, писал, что следствием их было полное изменение отношения иноземных народов к России: «Ныне же, которые нас гнушались, яко грубых, ищут усердно братства нашего, которые бесчестили — славят, которые грозили — боятся и трепещут, которые презирали — служат нам не стыдятся»⁸.

Современники Феофана в первые десятилетия XVIII в. уже знали, что вслед за порой политического утверждения российского государства в общей системе европейских держав и эпохой укрепления военного могущества как основы его международного авторитета российская земля быстро начнет рождать «собственных Платонов и быстрых разумом Невтонов» и сделает гигантские шаги вперед на пути культурного, в частности литературного, развития. И предчувствие их не обмануло.

Разные русские писатели XVIII в. были теснейшим образом связаны с научным центром страны — петербургской Академией наук, основанной в 1724 г., и этот факт имел огромное значение для славного будущего русской литературы. Русская поэзия XVIII в. довольно широко отразила процесс становления и быстрого развития русской науки в этом столетии — от Ломоносова до Радищева включительно. В этом, в частности, получили свое выражение просветительские тенденции русской литера-

⁸ Цит. по: Морозов П. Феофан Прокопович как писатель. СПб., 1880. С. 173.

туры того времени. Уже Антиох Кантемир был сатириком-просветителем своеобразного склада: стихотворство стало для него одним из средств популяризации научных знаний. В его сатирах заключена весьма красноречивая апология «точных наук», объяснены научные термины, рассказано об инструментах для научных экспериментов. В 1735 г. Кантемир пишет оду «В похвалу наук», где прославляет благотворительную силу знания и набрасывает целую историю наук в круговороте времен, в связи с перемещением очагов цивилизации: от древнего Египта, Греции и Рима до возрождения наук в Италии и обратного движения их эволюции с Запада на Северо-Восток.

Еще более наглядный пример — колоссальная фигура Ломоносова, совместившего в своем творчестве ученого и поэта, ставшего предметом удивления и внимательного изучения для Пушкина, его современников и потомков. В своих поэтических произведениях Ломоносов дал картину значения отдельных наук и практического их применения в отечественных условиях, и эти произведения служат подлинными образцами своеобразной русской «научной поэзии», имеющей яркую национальную окраску.

Мысли Ломоносова о русском языке, художественном слове, стихосложении сыграли огромную преобразующую роль в истории русской литературы. И может быть, ни в одной другой стране нерасторжимый союз науки и поэзии на ранней стадии их параллельного развития не имел столь далеко идущих последствий, как именно в России XVIII в.: их слияние превратило слово в воспитательное, просвещающее орудие, в точный инструмент, повысило в сознании пользующихся им людей его самодовлеющую ценность. И может быть, именно поэтому Кантемир и Ломоносов первыми из русских писателей заслужили международное признание: известно, что сатиры Кантемира были изданы с помощью Монтескье во французском переводе в 1749 г., а Ломоносов явился едва ли не первым русским поэтом, произведения которого вызвали подражания во французской поэзии⁹.

Многие иностранные наблюдатели русской жизни и искусства в XVIII в. еще не знали, как, например, того, что Д. Дидро был, вероятно, одним из первых писателей французского Просвещения, который во время

⁹ Имеется в виду французский поэт Лемьерр (1723—1793), поместивший в «Альманахе муз» 1766 г. свое стихотворение «Восход солнца» — переложение «Утреннего размышления» Ломоносова (сделанное по французскому прозаическому переводу этого стихотворения А. П. Шувалова, 1765). Лагарп, прочтя стихотворение Лемьерра, вступился за русского поэта и напечатал протест по поводу того, что в парижском альманахе опубликовано «подражание одному стихотворению покойного Ломоносова под именем Лемьерра, но без малейшего указания на автора оригинала», тогда как Ломоносова «считали лучшим поэтом, лучшим историком и лучшим критиком его страны». Этот протест Лагарпа вошел в его «Oeuvres» (Р. 1773. V. 6. Р. 108) и возымел свое действие: когда «Восход солнца» Лемьерра был перепечатан в 1782 г., это стихотворение было названо здесь «вольным подражанием русскому поэту» (ср.: Лит. наследство. М., 1937. Т. 29—30. С. 210). Письмо Лагарпа не было забыто и у нас. С. А. Порошин привел его полностью в русском переводе в журнале «Утренняя заря. Труды воспитанников университетского благородного пансиона» (1800. Кн. 1. С. 73—81) с таким примечанием: «Это письмо показывает, что литература наша известна в чужих краях». Ср.: *Вольтер. Статьи и материалы*. Л., 1947. С. 48—49.

пребывания в Петербурге изучал русский язык по учебнику Шарпантье, по текстам трактатов Ломоносова и комедий Сумарокова¹⁰. Но они знали, что проснулся интерес к русской литературе: русские книги обсуждаются в зарубежной печати, множатся переводы с русского языка, русская литература быстрыми шагами идет к своему расцвету. Знали они также, что русская литература должна занять подобающее ей место среди литератур Западной Европы. Когда придет это время, они еще не могли сказать, но их всех воодушевляла мысль, что это не может не совершиться.

У К. Н. Батюшкова есть изящный и тонкий опыт в жанре «воображаемых разговоров»; в этом произведении изображен Кантемир, русский посол во Франции, в его парижском кабинете, беседующий с французскими друзьями-литераторами о русской культуре и будущем русской литературы. «Вечер у Кантемира» был проекцией в прошлое и воплощением в образах оживленной беседы на философские и исторические темы мыслей, волновавших самого Батюшкова и его современников. Тени Монтескье и Кантемира понадобились Батюшкову для того, чтобы ответить на вопрос: достигло ли русское просвещение европейской культурной ступени? Батюшков ответил утвердительно и не ограничился этим. Он заставил Кантемира в воображаемом споре с Монтескье произнести следующие замечательные слова: «Может быть, через два или три столетия, может быть, и ранее, благие небеса даруют нам гения, который постигнет вполне великую мысль Петра, и обширнейшая земля в мире, по творческому гласу его учинится хранилищем законов, свободы, на них основанной, нравов, дающих постоянство законов, хранилищем просвещения, и как знать? Может быть, на диких берегах Камы или величественной Волги возникнут великие умы, редкие таланты...»¹¹.

Нечто подобное еще в 1787 г. в стихотворении «Поэзия» писал юноша Карамзин:

О, Россы! Век грядет, в который и у вас
Поэзия начнет сиять, как солнце в полдень.
Исчезла ночи мгла — уже Авроры свет
В****блестит, и скоро все народы
На север притекут светильник возжигать...¹²

¹⁰ См.: XVIII век. Сб. 3. М.; Л., 1958. С. 416—431; *Proust J. La grammaire russe de Diderot // Revue d'histoire littéraire de la France. 1954, Juillet—Septembre. P. 329—331; Basanoff A. La bibliothèque russe de Diderot // Bulletin d'information. 1959. N 29. Juin. P. 71—86.*

¹¹ Цит. по: *Алексеев М. П. Монтескье и Кантемир // Вестн. ЛГУ. История. Яз. Лит. 1955. № 6. С. 55—78.*

¹² Комментаторы этого стихотворения по традиции, идущей от В. В. Сиповского (в его издании «Стихотворений» Карамзина (Пг., 1917. Ч. 1. С. 400), уверенно объясняли, что четвертый стих указанной строфы («В**** блестит») следует читать: «В Москве...» Немецкий исследователь Р. Кейль в специальной статье обосновывает другое предположение: по его мнению, данный стих следует читать не «В Москве», а «В Хераскове блестит» (или «В Державине...»), что как будто подсказывают не три звездочки, а четыре, стоявшие в первопечатном тексте стихотворения (1792); Херасков, вероятно, имелся здесь в виду как автор «Россиады», первые пять песен которой были переведены на немецкий язык Якобом Ленцем. См.: *Розанов М. Н. Якоб Ленц, его жизнь и произведения. М., 1901. С. 481.*

Это прорицание носит еще довольно абстрактный характер. Но по мере того, как развивалось творчество Карамзина, по мере того, как он сам становился тем русским писателем, который, по отзыву современников, «сроднил Россию с Западом», эта его юношеская уверенность конкретизировалась, подкреплялась рядом фактических наблюдений. В своем журнале «Вестник Европы» в 1803 г. Карамзин поместил статью «Об известности литературы нашей в чужих землях», и она началась следующими словами: «Прежде в иностранных газетах писали только о наших победах и завоеваниях; ныне пишут о новых успехах просвещения и литературы в России. Первое славнее, второе утешительнее для миролюбивых друзей человечества. Нашим авторам должно быть приятно, что их имена и творения делаются известными в чужих землях и что они получают таким образом право гражданства в европейской республике литераторов»¹³. Об этом же Карамзин писал в своей знаменитой речи «О любви к отечеству и народной гордости» (1802). Из этого круга мыслей проистекали и его удивление быстроте достигнутых успехов, и его уверенность в грядущем торжестве русской культуры. «У французов, — размышлял он, — еще в XVI веке философствовал и писал Монтень: чудно ли, что они вообще пишут лучше нас? Не чудно ли, напротив того, что некоторые наши произведения могут стоять наряду с их лучшими, как в живости мыслей, так и в оттенках слога? Будем только справедливы, любезные сограждане, и почувствуем цену собственного»¹⁴.

После войны 1812 г. русским читателям уже не было нужды доказывать, что суждения о русской литературе имеют для них действительный интерес. Не подлежало спору, что, удивив Европу силою русского оружия и широтой патриотического порыва, русский народ удивит ее также силою творческого дара и качествами своего литературного мастерства. Для Карамзина, по крайней мере, в этом не могло быть никаких сомнений. Он писал к И. И. Дмитриеву: «Мы победили Наполеона: скоро удивим свет и нашим разумом. Жаль, что я из могилы не услышу рукоплесканий Европы в честь наших гениев словесности»¹⁵.

Известно, какое внимание Пушкина и литераторов его круга привлекли вещие слова м.-ме де Сталь, приехавшей в Россию изгнанницей Наполеона в 1812 г. и наблюдавшей из окна своей дорожной кареты на пути между Киевом, Москвой, Новгородом и Петербургом героические усилия народа, ковавшего свою победу над врагом. «Гений русских, — говорит французская писательница в книге «Десять лет изгнания», — воплотится в искусстве и особенно в литературе, когда они научатся

¹³ Вестник Европы. 1803. Ч. X. № 15. С. 195.

¹⁴ Вестник Европы. 1802. Ч. I. № 4. С. 66. И, как бы вторя ему, «Северный вестник» (автор статьи Я. А. Галинковский) убеждал в необходимости пристальнее следить за развитием европейских суждений о русской литературе; речь шла на этот раз о сочинениях самого Карамзина: «Скажите, например, кто рассматривал у нас критически „Письма русского путешественника“, „Аглаю“, „Наталью“ и пр., между тем как их критикуют от Шотландии до Парижа? Между тем как в чужих землях дают цену нашим книгам, мы молчим законопреступно» (Сев. вестник. 1805. № 6. С. 292).

¹⁵ Письма Карамзина к И. И. Дмитриеву. СПб., 1866. С. 183.

выражать словом свою природную сущность, как они выражают ее делом»¹⁶.

В 1819 г. будущий декабрист Н. И. Тургенев в проспекте задуманного им с друзьями журнала («Архив политических наук и российской словесности») писал: «Мало-помалу Россия взошла, наконец, в состав великого европейского семейства во всех отношениях. Не один только звук оружия российского обращает ныне на Россию внимание Европы: успехи гражданственности в нашем отечестве разделяют сие внимание с тех пор, как они для нас самих соделались важными»¹⁷. Два года спустя в издававшемся в Петербурге на французском языке полуофициальном журнале Н. И. Греч утверждал то же самое — очевидно, мнение это было всеобщим и распространенным в русском обществе. «Слава русского оружия привлекла внимание Европы к нашей родине. Иностранцы, побуждаемые любопытством, начинают внимательно изучать Россию в разных отношениях; они стали заниматься нашим языком, нашей литературой и с удовольствием, с признаками изумления, заметили, что Россия и в других родах славы не остается позади Европы. . . Нужно надеяться, что мы затем и еще более сблизимся с литераторами остальной Европы и они с нами»¹⁸.

Прошло еще два десятилетия. Развился язык русской художественной прозы, от которой те же французы и Пушкин ждали стилистической выразительности и улучшения возможностей его воспроизведения на языках иностранных; сильнее и ярче обозначились очертания русской повести и романа, и Гоголь в статье «О движении журнальной литературы в 1834 и 1835 году», написанной для журнала Пушкина «Современник», спрашивал своих читателей, заметили ли они «атомы каких-то новых стихий», зарождавшихся в этой сфере русской литературы. «Видите ли, — писал Гоголь, — эту движущую〈ся〉, снующую〈кучу〉 прозаических повестей и романов, еще бледных, неопределенных, но уже сверкающих искрами света, показывающих скорое зарождение чего-〈то〉 оригинального?» Однако Гоголь видел яснее других, его критический взгляд был более зорким, а убежденность — более твердой. Ему чудилось, по его собственным словам, «колоссальное, может быть, совершенно новое, неслыханное в Европе» явление, «что должно осуществиться непременно, потому что «стихии слишком колоссальны и рамы для картины сделаны слишком огромны»¹⁹. А еще через несколько лет в сходных словах это предчувствие Гоголя облек в форму пророческого видения Белинский в целом ряде своих статей, где он с такой «зрительной» ясностью представил себе, что непременно должно осуществиться с русским государством, культурой, искусством,

¹⁶ *M-me de Staël. Dix années d'exil.* P., 1904. P. 363. Об интересе к этому произведению Пушкина и его соратников см.: *Ржига В. Ф.* Пушкин и мемуары m-me de Staël о России // Изв. ОРЯС. 1914. Т. XIX, кн. 2. С. 47—67. (Открывки из книги Сталь в вольном русском переводе появились в 1822 г. в «Новостях литературы». Кн. 1).

¹⁷ Цит. по: *Фомин А.* К истории вопроса о развитии в России общественных идей в начале XIX века // Рус. библиофил. 1914. № 7, отд. II. С. 16—17.

¹⁸ *Le Conservateur impartial [St.-Petersbourg].* 1821. N 8.

¹⁹ *Гоголь Н. В.* Полн. собр. соч. М., 1952. Т. 8. С. 539.

поскольку и он, подобно Гоголю, многократно и настойчиво возвращался к вопросам об их будущем мировом значении. Белинский писал в 1840 г.: «Завидую внукам и правнукам нашим, которым суждено видеть Россию в 1940-м году (сто лет спустя. — М. А.)... дающею законы и науке и искусству и принимающею благоговейную дань уважения от всего просвещенного человечества»²⁰.

В статье 1846 г. «Мысли и заметки о русской литературе», задумываясь о европейском будущем русской культуры, Белинский оглядывал пройденный Россией исторический путь, путь быстрого роста ее могущества и военной славы, и делал отсюда вывод о неизбежности ее будущего преуспеяния в различных областях, в том числе и в области литературного творчества. Он писал: «Только сто тридцать шесть лет прошло с того вечно памятного дня, как Россия громами Полтавской битвы возвестила миру о своем приобщении к европейской жизни, о своем вступлении на поприще всемирно-исторического существования», а между тем в столь короткий период времени она прошла поистине блестящий путь; уже через сто лет после Полтавской битвы Россия «решила судьбы современного мира», выиграв войну 1812 года; «заняв по праву принадлежавшее ей место между первоклассными державами Европы, она, вместе с ними, держит судьбы мира на весах своего могущества». Это показывает, продолжает Белинский, что «мы ни от кого не отстали, а многих и опередили». Но «наше политическое величие есть несомненный залог нашего будущего великого значения и в других отношениях, — прибавлял Белинский. — В будущем мы, кроме победоносного русского меча, положим на весы европейской жизни еще и русскую мысль... Тогда будут у нас и поэты, которых мы будем иметь право равнять с европейскими поэтами первой величины...»²¹.

Еще через несколько десятилетий все, о чем Белинский мечтал и во что он верил, стало реальным фактом, полностью воплотилось в жизнь. Общевропейское значение приобрел друг и ученик Белинского — Тургенев, голос Герцена звучал по всей Европе и на всех европейских языках, за ними шли Лев Толстой и Достоевский, получившие всемирное признание.

4

Естественен вопрос: что обеспечивало русской литературе все возрастающую популярность и силу воздействия? Если бы речь шла только о том, что она достигла уровня европейской, стала рядом с ней, дальнейший рост этого влияния едва ли мог быть особенно значительным. Но уже Белинскому было ясно, что русская литература обладает особыми чертами, что ее отличает яркое национальное своеобразие. Впоследствии это стало еще более очевидным. Чернышевский, например, пытаясь понять происходивший на его глазах расцвет русской литературы и ее исключительное значение в истории нашего общественного сознания, писал в «Очерках гоголевского периода», что в России нового времени литература имела особую функцию, не похожую на ту, которую она выполняла в других странах Западной Европы, и что это и поставило

²⁰ Белинский В. Г. Полн. собр. соч. М., 1953. Т. 3. С. 408.

²¹ Там же. Т. 9, с. 441, 442.

ее в исключительное положение по отношению ко многим другим. «Как бы ни стали мы судить о нашей литературе по сравнению с иноземными литературами, но в нашем умственном движении играет она более значительную роль, нежели французская, немецкая, английская литература в умственном движении своих народов»²². Добавим к этому, что речь шла о чем-то принципиально новом, о новом типе культуры и формах ее словесного выражения, которые только и могли обеспечить русской литературе очень важное место в литературе общеевропейской и мировой вообще. Дело заключалось не в простом интересе читателей западных стран к литературе соседнего могущественного народа, а следовательно, к его быту и нравам, характеру мышления, особенностям его истории или специфическим чертам его словесного мастерства; эта литература должна была обладать свойством властно захватывать сердца, заставляя их биться тревожнее и чаще, многозначно и разносторонне влиять на умы, притом в такой степени, чтобы этого могучего воздействия не могли бы избежать все наиболее творчески одаренные мыслители и писатели западного мира, а именно такую и стала русская литература в конце XIX и начале XX в.

Некое постоянное внутреннее убеждение в особых свойствах русского художественного слова, крепкая вера в то, что русская литература не может не стать великой литературой, не может не получить мирового значения, как мы видели, сопровождали размышления о ней многих крупнейших русских писателей, от Ломоносова и Карамзина до Гоголя и Белинского. Всего законнее поэтому искать ответа на поставленный вопрос в определениях самих же русских писателей. Для иностранного взора многое было скрыто и в русском литературном процессе, и в социально-историческом развитии русской государственности и национального самосознания. Именно это оказалось истолкованным в вольном слове русских политических эмигрантов, находившихся в Европе в конце 40-х годов XIX в., особенно Герцена.

Истина рождалась в споре: объяснение «своеобразия» русской литературы началось с возражения иностранным критикам. Приведем лишь несколько примеров.

Почти столетие назад (это было в июне 1878 г.) в Париже под председательством В. Гюго состоялся международный литературный конгресс, созванный по инициативе французского «Литературного общества». В составе русской делегации был Иван Тургенев, избранный вице-президентом конгресса. Он произнес краткую речь, посвященную взаимоотношениям русской и европейских литератур. Поскольку дело происходило в Париже, речь шла преимущественно о русско-французских литературных связях, но, разумеется, то, что говорил русский писатель, относилось также и к литературам других стран Европы. Выступая от лица своих соотечественников, Тургенев назвал три даты, показавшиеся ему достойными сопоставления: 1678, 1778 и 1878 годы. «Два столетия тому назад, — говорил Тургенев, — у нас не было еще своей литературы. Наши книги писались на старославянском языке, и Россия с полным основанием считалась страной полуварварской, относящейся столько же

²² Чернышевский Н. Г. Полн. собр. соч.: В 15 т. М., 1947. Т. 3. С. 303.

к Европе, сколько и к Азии. Но «царь Алексей, уже тронутый дуновением цивилизации, построил в московском Кремле театр, на котором давались духовные драмы вроде мистерий, а также «Орфей» — опера итальянского происхождения», а позже, при Петре I, у нас давали уже «Лекаря поневоле» Мольера. «В 1778 году, — продолжал Тургенев, — автор наших первых действительно самостоятельных комедий, Фонвизин, присутствовал при торжестве Вольтера в театре Французской комедии и описал его (...) Миновало еще столетие. За Мольером последовал у нас Вольтер. за Вольтером — Виктор Гюго. Русская литература наконец существует; она приобрела права гражданства в Европе. Мы можем не без гордости назвать здесь небезызвестные вам имена наших поэтов Пушкина, Лермонтова, Крылова, имена прозаиков Карамзина и Гоголя. . . Двести лет тому назад, еще не очень понимая вас, мы уже тянулись к вам; сто лет назад мы были вашими учениками; теперь вы нас принимаете как своих товарищей. . .»²³).

В анналах русской литературной истории сохранилось множество свидетельств, какую бурю негодования вызвала эта речь среди русских литераторов и в русской печати всех направлений. В особенности неоправданными показались тогда процитированные нами хронологические исчисления Тургенева. Сейчас мы не можем не признать, что упреки и обвинения, посыпавшиеся на Тургенева со всех сторон, были в значительной степени им заслужены. Дело шло не только о некоторых фактических ошибках, им допущенных, но о чем-то гораздо более существенном. Почему, говорили критики Тургенева, мерилom ценности русской литературы он избрал ее близость к европейским образцам? В самом деле, три этапа, на которые Тургенев разбил всю историю отношений литератур России и Европы, едва ли соответствовали истине, и прежде всего потому, что своей искусственной схемой он укорачивал жизнь русской литературы на несколько веков, с известным пренебрежением отзываясь даже о русской литературе XVIII в., литературе, как известно, уже носившей на себе очевидные, бьющие в глаза признаки европеизма. Куда же, однако, в этом случае пришлось бы поместить большую, создававшуюся в течение нескольких столетий русскую средневековую литературу?

Конечно, в эпоху Тургенева эта литература была еще и мало изучена и даже еще мало известна, оставаясь в своей значительной части неизданной, рукописной и отчасти сохраненной устной традицией. В сущности, его утверждение было равносильно признанию, что в течение всего средневекового периода своего существования и развития русская литература находилась как бы за пределами европейских литератур. Между тем новейшие советские исследования как раз стремятся подчеркнуть, с одной стороны, типично европейский, а не восточный характер русской средневековой литературы, а с другой — гораздо более сильную и крепкую преемственность между древнерусской и новой русской литературой XVIII и XIX вв. У нас охотно говорят теперь о недавно прослеженных в русских литературных произведениях XV—XVII вв. явлениях гуманизма и ренессанса, о том, что «европеизация»

²³ Тургенев И. С. Полн. собр. соч. и писем. Т. 15, С. 53—56, 265—266, 305—308.

русской литературы была процессом постепенным и длительным, растянувшимся на много веков, имеющим античные и византийские истоки и основы, традиции, представляющие прямые аналогии с процессом литературного развития в странах Западной Европы. С другой стороны, историки русской литературы в настоящее время охотно подчеркивают генетические связи между древнерусской литературой и русскими писателями не только XVIII, но и XIX в. — Пушкиным, тем же Тургеневым, Герценом, Толстым, Лесковым и т. д.

Другая роковая ошибка, допущенная Тургеневым в упомянутой речи, заключалась в том, что в числе писателей, которые, по его словам, не являлись неизвестными в Европе, он назвал Пушкина, Лермонтова и Крылова. Хотя их имена действительно упоминались в то время в печати Франции, Англии, Германии, Италии, но не эти писатели создали европейскую известность русской литературе, вызвали пристальное внимание к ней. На самом деле именно сам Тургенев был тем русским писателем, которого следовало назвать в первую очередь, а за ним следовали еще более громкие имена Толстого, Достоевского, Чехова и других. Знакомству же с упомянутыми Тургеневым русскими писателями Европа была обязана в значительной мере ему самому²⁴.

Стоит, кстати, подчеркнуть, что на указанной схеме Тургенева, при всей призрачности и условности ее, основывались европейские критики русской литературы вплоть до недавнего времени.

Скажем также и о том, что история знакомства Европы с русской литературой имеет свою хронологию, совершенно отличную от реально-исторической последовательности развития русской литературы. Пушкин, например, или Гоголь стали известны в Европе (если говорить об известности, а не о первоначальном более или менее случайном знакомстве с их произведениями) только после того, как там утвердилась слава Тургенева, а затем — Толстого и Достоевского. Имена многих из современных им русских писателей доньше известны в Европе лишь понаслышке. Интерес к отдельным русским писателям, восхищение, которое они вызывали, ослаблял интерес к другим крупным литераторам, способствовал изоляции данного писателя от его современников, разрушал представление об историческом процессе развития русской литературы, вносил в него хронологическую путаницу. Слава, например, того же Пушкина была славой одного только имени и объяснялась лишь тем, что и Тургенев, и Толстой, и Достоевский постоянно ссылались на Пушкина как на своего родоначальника и свой великий образец. Через несколько лет после названной речи Тургенева ситуацию еще более осложнила книга Э. М. де Вогиюэ «Русский роман» (*Le roman russe*. P., 1886), которая обошла все страны и стала классической. Эта знаменитая книга также объявила роман единственным жанром, достигшим в России полного национального своеобразия, и в известной мере узаконила возможность высказывать произвольные внеисторические суждения о произведениях русского художественного слова, существенные, однако,

²⁴ См.: Труды Отдела новой русской литературы Института литературы АН СССР. Л., 1948. Кн. 1. С. 38—80; Творчество И. С. Тургенева. М., 1959. С. 69—140.

для тех литератур, которые воспринимали их в переводах. Нам ясно, что эта книга — прежде всего полемическая, тенденциозная: Вогюэ мечтал о победе «русского идеализма» над французским натурализмом, т. е. о победе идейного реализма русских писателей над «экспериментальным» романом. В талантливой книге Вогюэ много невольных и сознательных искажений русской литературной действительности, тем не менее в ней кое-что угадано верно, и потому ее выводы и формулировки надолго остались господствующими в западной критике: их повторяли во Франции, Англии, Америке, в Италии, Испании²⁵. Быть может, автор слишком односторонне понял то, что называет «русским идеализмом», т. е., по существу говоря, русский критический реализм, высокую идейную принципиальность русской литературы, ее постоянную направленность к добру и справедливости; может быть, он недооценил демократическую обусловленность русской литературы, не увидел ее тесной связи с развитием русской общественно-политической мысли, но исторический смысл его труда заключался в том, что в нем правильно показана равноправность русской литературы с западноевропейскими, а также те ее особенности, которые обеспечили ей возможность длительного и разностороннего воздействия на них.

5

Советские историки русской литературы накопили весьма обширный материал по истории взаимоотношений русской и западноевропейских литератур. Но он пока еще мало известен за пределами нашей страны²⁶. Есть все основания надеяться, что совместными усилиями ученых затруднения, которые встречаются на этом пути, будут в конце концов преодолены. Русский язык становится все более распространенным, превращаясь в ключ, с помощью которого может быть в полном объеме раскрыто мировое значение русской литературы. На Западе все больший интерес проявляется к истории, которая делает более понятными закономерности развития русской литературы и ее связей с литературами Европы. Еще в 1901—1902 гг. в книге «Что делать?» В. И. Ленин писал, что русская литература приобрела мировое значение. Более подробно Ленин коснулся этого вопроса в своих статьях о Толстом. В 1910 г. в статье, написанной по поводу смерти Толстого, Ленин писал, что Толстой «сумел поставить в своих работах столько великих

²⁵ *Mazon A. E. M. de Vogüé et les études russes // Revue des études franco-russes. 1910. N 4. P. 137—144*; Одной из лучших зарубежных работ о восприятии русского романа во Франции в конце XIX и XX в. является кн.: *Hemmings F. W. The Russian Novel in France. 1884—1914. Oxford, 1950*. Интересные наблюдения и сопоставления содержатся также в ст.: *Barry C. A. The role of the Roman Russe articles of the Revue des Deux Mondes in French Literary Polemics of the 1800's // Revue de littérature comparée. 1975. N 1. P. 122—128*.

²⁶ В русской литературе все еще сохраняет значение библиографический указатель К. Муратовой и Е. Приваловой «Мировое значение русской литературы и русского искусства» (1945), но его необходимо пополнить весьма многими работами, вышедшими за последние три десятилетия. Ряд новых существенных данных о распространении русской классической литературы за рубежом во второй половине XIX в. (в частности, о Достоевском) помещен в кн.: *Русская литература и мировой литературный процесс / Под ред. А. Л. Григорьева. М.; Л., 1973*.

вопросов, сумел подняться до такой художественной силы, что его произведения заняли одно из первых мест в мировой художественной литературе»²⁷.

Анализ классической русской литературы во всем ее объеме убеждает нас в том, что каждый из русских писателей в меру своего таланта и творческих сил отразил присущие русской литературе вообще этические устремления и вольнолюбивый дух. Именно просветительские тенденции, воспринятые новой русской литературой в ее младенчестве от европейской литературы и сохраненные благодаря особенностям исторического развития России вплоть до нашего времени, всегда внушали русским писателям убеждение, что создаваемая ими литература обязана сказать новое слово миру. Об этом говорили уже Гоголь, Герцен, Белинский, в начале XX в. на этом настаивал Горький, когда писал в 1908 г.: «Никто в Европе не создавал столь крупных, всем миром признанных книг... при таких неопределимо тяжелых условиях... нигде на протяжении неполных ста лет не появлялось столь яркого созвездия великих имен, как в России, и нигде не было такого обилия писателей-мучеников, как у нас». Одну из исторических особенностей русской литературы тот же Горький видел в том, что в России литература создавалась при «молчаливой помощи народа» и в его интересах, русские писатели как бы говорили: «народ вдохновлял нас, любите его!» В нашей литературе, по его словам, «чаще и сильнее, чем в других, возглашалось общечеловеческое, — значение русской литературы признано миром, изумленным ее красотой и силой»²⁸. Эти традиции продолжают развиваться и в советской литературе.

На эти самые особенности русской литературы, свидетельствующие о ее действительном своеобразии, обращали внимание и наиболее дальновидные и чуткие из европейских критиков. Идейное богатство русской литературы, ее демократический колорит и гуманистическая направленность отчетливо сознавались также многими ее европейскими читателями. Свои впечатления они выражали различными понятиями, сущность которых родственна, несмотря на их словесное различие. Для иных, например, своеобразие русской литературы заключалось в свойственном ей чувстве жалости и сострадания, для других — в уважении к человеку, в стремлении к социальной справедливости, в полной искренности; иные видели источник ее очарования в ее героическом характере, в неустанном поиске правды. Суть не в этих частных определениях, а в покрывающем их более общем суждении: русская литература действительно отразила общеевропейское значение русского исторического развития. Установление закономерностей этого процесса на европейском и мировом фоне, в связи с общим ходом мировой культуры, составляет весьма привлекательную научную задачу, которая, я надеюсь, будет решена совместно усилиями ученых как в нашей стране, так и в других странах современного мира.

²⁷ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 20. С. 19.

²⁸ Горький М. Собр. соч.: В 30 т. М., 1953. Т. 24. С. 64, 65.